

Глава 1

ФЕЯ ТРЕХДЮЙМОВОЧКА

В сущности, чтобы разрывать друг друга в клочья, людям особенного ничего и не надо. Просто быть вместе и рядом.

Арей

Эдя Хаврон зевнул. Эдя Хаврон вздохнул. Эдя Хаврон заглянул в холодильник, но обнаружил там лишь позавчерашний суп, подернутый жирной застывшей пленкой. Он был голоден и сердит. В карманах позванивала горсть мелочи, словно он кланчил у прохожих на проезд в метро.

Его работа в спортивном клубе бесславно завершилась неделю назад, когда, печатая очередное меню, Эдя озорства ради изменил его шапку. В новом варианте гордая «Царица пляжа» стала «Королевой целлюлита». По закону подлости именно

Дмитрий Емец

это искаженное меню отправили для подготовки радиорекламы, и никто, конечно, ничего не проверил до самого последнего момента. Начальство Эди не оценило шутку, и, выброшенный из тихой заводи коктейлей и витаминных салатов враждебным береговым течением, Эдя поплыл по реке жизни дальше.

Деньги быстро закончились. А тут еще, прихватив рабочую пятницу и два выходных, его любимая сестрица Зозо уехала в подмосковный дом отдыха, где в очередной раз пыталась устроить свою судьбу. Дафна с Мефодием тоже куда-то запропастились, но о них Эдя почти не вспоминал: не до того было. Он, повторяю, был голоден и сердит.

Дверной звонок ласково тренькнул раз, другой и внезапно забился в истерике. Хаврон удивился. Он никого не ждал.

— Кто там? — спросил он.

— Телеграмма! — ответили ему.

Эдя открыл. Но, увы, телеграммы он так и не получил. Если, конечно, не считать телеграммой врезавшийся ему в подбородок кулак. Уклониться он не успел. Пыльный коврик с горой Демерджи заботливо постелился под его рухнувшее тело.

Сознания Эдя все же не потерял и, лежа на коврике, наблюдал, как, перешагивая через его тело, в квартиру проходят трое мужчин. Первый был бритый толстяк в белой водолазке и черных джинсах, над ремнем которых свисало жирное и, вероятно,

потное брюхо. Спутниками толстяка были два типичнейших братка, одетые в спортивные костюмы и кроссовки. Отличались они друг от друга только тем, что один был рыжеватый, а у другого щеку пересекал шрам.

Захлопнув дверь, владелец жирного брюха пнул Эдю ногой.

— Ё-мое! — охнул Эдя.

— Да твое оно, твое! Вставай, матрос! Разговор есть!

— Спасибо. Я лучше полежу. Трудный, знаете ли, выдался денек, — отказался Хаврон, задумчиво трогая подбородок. Он прикинул, что если встанет, то скорее всего снова получит.

— Я сказал — вставай! — процедил толстяк и опять пнул его ногой.

Эдя неохотно поднялся. Он умел разбираться в интонациях. Его втащили в комнату и бесцеремонно толкнули в кресло.

— Я пришел потолковать с тобой как матрос с матросом. Меня зовут Феликс, — заявил толстяк, оседлав стул.

Эдя хотел поинтересоваться, с какой это радости его называли матросом, но благоразумно промолчал. Хоть матросом назови, только купаться не заставляй.

— Матрос, знаешь, зачем существуют долги? Чтобы их отдавать! Моя же работа состоит в том,

Дмитрий Емец

чтобы получать деньги с тех, кто не хочет делать это добровольно, — продолжал Феликс.

Фразы лились из него, как из патефона. Ощущался немалый опыт и глубокое профессиональное соответствие.

— Я ничего не должен, — уныло заспорил Эдя.

Отнекиваясь, он торопливо соображал, с каким из его многочисленных долгов связан этот визит. Он был должен целой куче людей, но чисто символические суммы. Во всяком случае, мордобоем нигде не пахло. Максимум могли кинуть в него котлетой или помидором.

Толстяк зацокал языком:

— Два года назад ты работал в ресторане «Египет»?

— Э-э... — сказал Эдя, не решаясь это отрицать. — Возможно. Я много где работал.

— В баре?

— Ну...

Феликс похлопал его по щеке:

— Умный мальчик, головастый! Все помнит!.. Так вот, матрос, вы с напарником продавали там спиртное и прикарманивали часть выручки. Потом ты уволился. Твой напарник продолжал прежние фокусы. Недавно он засыпался... Мы с ним уже говорили. — Толстяк посмотрел на свой кулак. — Он раскаялся и уже заплатил штраф. Кроме того, он рассказал нам о тебе.

— Настоящий друг, — печально произнес Эдя. Интуиция подсказывала, что отрицание в данном случае не лучшая идея.

Феликс одобрительно хмыкнул:

— Вот и умница, что все понял!.. Настоящий матрос! В общем, с тебя три тысячи — и разойдемся на встречных курсах.

— Три тысячи чего? Рублей? — неосторожно ляпнул Хаврон и едва не перелетел через кресло. Он даже не заметил, когда толстяк замахнулся. У этой драчливой туши определенно было боксерское прошлое.

— Не обижайся, матрос! Рублями тут не считают! Это чтобы ты стал понятливее. Вернешь деньги? — сказал Феликс.

— Угу. Нет проблем! — злобно проговорил Эдя, трогая скулу. — Ах да, я забыл! Я же пожертвовал их на заморозку Антарктиды! Позвоните моему банкиру на следующей неде...

Кулак толстяка вновь взлетел. На этот раз Хаврон уловил движение, начавшееся в бедре, но, не успев уклониться, вновь ткнулся ухом в кресло.

— Послушайте, вы! Перестаньте распускать руки! Я что, похож на человека, у которого есть деньги?! — заорал Эдя.

Нахмурившись, Феликс повернулся к браткам. Рыжий с большим умственным напряжением, читавшимся на его лице, чистил ногти кнопочным

Дмитрий Емец

ножом. Парень со шрамом откровенно зевал, разглядывая свои кроссовки. Его длинное лошадиное лицо было унылым. Оба явно скучали от рутинной работы.

— Как думаете? Нет у него денег? — поинтересовался толстяк.

— Похоже на то, — неохотно процедил рыжий. — Квартира убитая. Машины нет, компьютера нет, техника дрянь. Даже если все подчистую вынести — и на пятьсот баксов не набезит... Короче, парень серьезно попал.

— Ладно, матрос, убедил! — сказал Феликс. — У тебя нет этих денег, мы верим. Мы даем тебе три дня, чтобы ты нашел нужную сумму. Достанешь — твое счастье. Не достанешь — пеняй на себя. Сегодня я бил тебя один и в треть силы. В следующий раз будем бить втроем. И вот что, матрос: даже не пытайся скрыться. Если попробуешь скрыться, мы...

— Дайте я сам догадаюсь! Что-то вроде того, что я сильно пожалею? — внося полную ясность, уточнил Хаврон.

Толстяк отлепил от стула свой массивный зад.

— Не умничай! Я и так вижу, что ты понятливый, — подтвердил он.

Мрачная троица прошествовала мимо пустой кровати Мефодия, попутно и без интереса покосившись на его детскую фотографию, и вытекла на лестничную площадку.

— Ты, матрос, не особенно расслабляйся! А то будешь некрасивый! — сказал на прощание рыжий и сделал ножом движение крест-накрест, будто уродовал Эде лицо.

Дождавшись, пока закроется дверь, Хаврон швырнул в нее тапкой и, подперев голову руками, отдал себя во власть мрачных дум. Так как никаких перспектив достать деньги у Эди не было, то и мысли его долго не задержались на этом тупиковом предмете. Они заскользили дальше, обратившись к вещам самым абстрактным.

«Не иначе как моя мама, нося меня в животе, засмотрелась в зоопарке на зебру. С тех пор у меня все существование в полоску. Огромная черная и ма-а-асенькая белая!» — думал Эдя, страница за страницей перелистывая свою полную неурядиц жизнь.

Постепенно он дошел до детства, и в памяти у него синим раздутым утопленником всплыла нянька. Тонкие белые губы в сухих трещинках. Сероватый короткий нос. Жесткий толстый волос на подбородке. Он двигается всякий раз, как она говорит. Вот нянька больно хватает его за руку, притягивает к себе, сдергивает темные очки — и он видит жуткие глаза без зрачков.

— Разве мало мне сокровищ Днепровских порогов? Золото, оружие с десятков разбившихся ладей. Те деньги, что мне платят твои родители, я слепила

Дмитрий Емец

бы из грязи. Когда-нибудь твоя жизнь доведет тебя до перекрестка, и там снова буду я! Пока же пусть твоя мать уберет эту дохлую птицу! — шуршит голос. Малыш заходится в беззвучном плаче. Он смутно чувствует, что, если закричит, сухие пальцы ведьмы сомкнутся на его горле.

И вновь, хотя прошли уже годы, Эдя ощутил ужас и жуткую сухость во рту. На целые десятилетия старуха стала его кошмаром.

— Прррр! Хватит! Долой воспоминания! Всеу свое время. Время проливать слезы и консервировать сопли еще не наступило, — сказал себе Эдя.

Он тряхнул головой и встал, собираясь идти в ванную, чтобы немедленно заняться лицом. Лицо, встретившееся несколько раз с кулаком Феликса, начинало подозрительно тяжелеть. Эдя отлично знал, что это означает. Завтра к утру он сможет выйти из дому только в темных очках. Послезавтра же будет еще хуже: все станет лиловым.

— Во всем надо видеть хорошие стороны. Мне повезло, что я не снимаюсь в рекламе, — проворчал Хаврон.

Он шагнул было к двери, но в этот момент с потолка на голову ему сбежала струйка песка. Удивленный Эдя поднял голову, не понимая, что это за фокусы, и едва успел спасти лоб от маленького кожаного чемодана. Чемодан зацепил его грудь, отскочил, упал на пол и открылся. Прежде чем за-

глядывать в него, изумленный Хаврон уставился на потолок. Он ожидал увидеть трещину или пролом, но... ничего подобного. Потолок выглядел так же заурядно, как и миллионы других потолков. На худой конец, с него мог упасть пласт штукатурки или люстра, но уж точно не чемодан.

Как человек глубоко материалистический, Эдя поспешно просчитывал варианты. «Как же он туда попал? Ага!.. Мефодий или Дашка приклеили чемодан к потолку скотчем. Зачем? Хм, ну мало ли какой бред приходит людям в голову... Чемодан маленький, и скотч его удерживал... Но разве скотч приклеится к штукатурке? И потом, где скотч сейчас?» — думал Эдя, все больше озадачиваясь.

Он присел на корточки и осторожно заглянул в чемодан. Если прежде чемодан был абсолютно пуст (Эдя мог бы поклясться в этом если не своим, то чьим-нибудь чужим зубом), то теперь на дне его лежал сложенный в восемь раз лист плотной желтоватой бумаги.

«Плакат какой-то», — подумал Хаврон и машинально развернул.

ВНИМАНИЕ:

награда 10 000 дырок от бубликов

Лысегорское отделение магии (пересечение ул. Виселичной с Двухгробовым переулком) разыскивает опасную преступницу.

